

Лескина Седа Витальевна

**КОНЦЕПТЫ БЕЗРАЗЛИЧИЯ И ПРЕЗРЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПЕЙОРАТИВНОЙ
КОННОТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

В статье рассматривается содержание концептов безразличия и презрения как носителей морально-эмоциональной оценки личности, ее поступков и суждений, и их роль в формировании пейоративной коннотации в английских и русских фразеологических единицах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 65-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

обратиться к другому ресурсу. Авторы электронных учебных пособий прибегают к использованию всего многообразия шрифтового выделения по причине того, что выделение фрагмента текста особым шрифтом на фоне шрифта всего пособия позволят передать дополнительный смысл, не прибегая при этом к дополнительным вербальным средствам.

К параграфемным средствам мы будем относить также такие иконические средства, которые помогают избежать излишнего вербального компонента, в то же время являются в силу своей специфики понятными для пользователя: например на ресурсе (<http://www.dw-world.de>) «стрелка вправо/влево» указывает на переход к следующей или предыдущей странице, знак «громкоговоритель» - задание для прослушивания, знак «многоточие» - выбор одного варианта ответа из нескольких предлагаемых, «пустой квадрат» предполагает запись ответа пользователя, на портале www.gramota.ru в разделе «интерактивные диктанты» знак «пустой квадрат (прямоугольник)» также предполагает выбор одного правильного варианта из нескольких предложенных. Использование подобных параграфемных средств обусловлено стремлением авторов сделать учебное пособие максимально удобным для пользователя.

Итак, в данной статье мы рассмотрели электронные учебные пособия через призму двух параметров электронной коммуникации (гипертекстуальности и наличия креолизованного текста). В отношении гипертекста нами было установлено, что данный параметр электронной коммуникации является релевантным для текстов электронных учебных пособий, и наличие гиперссылок, а также замысел автора учебного пособия предполагает навигацию пользователя в трех плоскостях (собственно учебное пособие, сайт портала, и глобальная сеть), однако, в отличие от навигации на иных веб-страницах, следуя замыслу составителя, пользователь не является абсолютно свободным в последовательности изучения учебного материала. Тексты электронных учебных пособий являются креолизованными, равно как и тексты иных веб-страниц, но в текстах электронных учебных пособий вербальный и невербальный компонент являются семантически связанными, их целостность обусловлена намерением авторов пособий, вербальный и иконический компонент дополняют друг друга, их равноправное «сосуществование» на веб-странице продиктовано стремлением авторов создать наиболее удобное и понятное для пользователя визуальное оформление учебного пособия.

Дальнейшее изучение электронных учебных пособий может быть продолжено на примере сопоставления реализации принципа гипертекстуальности и креолизованности электронного учебного пособия в сопоставлении с традиционным учебным пособием.

Список использованной литературы

1. **Анисимова Е. Е.** О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. – 1996. - № 5. - С. 74-85.
2. **Анисимова Е. Е.** Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. – 1992. - № 1. - С. 71-79.
3. **Галичкина Е. Н.** Характеристики компьютерного дискурса // Вестник ОГУ. – 2004. - № 10. - С. 55-59.
4. **Горошко Е. И.** Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. - Орел: Каргуш, 2007. - Вып. 5. - С. 223-237.
5. **Дедова О. В.** Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2006. – 253 с.
6. **Дедова О. В.** О специфике компьютерного дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы. - М., 2004. - С. 93-101.

КОНЦЕПТЫ БЕЗРАЗЛИЧИЯ И ПРЕЗРЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПЕЙОРАТИВНОЙ КОННОТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Лескина С. В.

Челябинский государственный педагогический университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Юздовой Л. П. и к.ф.н., доц. Морозовой Е. И.

В статье рассматривается содержание концептов безразличия и презрения как носителей морально-эмоциональной оценки личности, ее поступков и суждений, и их роль в формировании пейоративной коннотации в английских и русских фразеологических единицах.

Обычное аксиологическое определение оценки как акта и/или результата установления ценностного отношения между субъектом и объектом оставляет за её пределами все объективные оценки, измерения, с ценностью не связанные. При таком понимании оценки исходят из того, что оценка - вид квалификации как установления качественной определенности объекта, она формально отличается от последней лишь присутствием градационной шкалы - шкалы релятивизации. Если оценка иллюквативно отмечена и имеет коммуникативной целью оказание влияния на собеседника, то собственно эмоция лишь сигнализирует о внутреннем психическом состоянии субъекта и его реакции на изменение ситуации. Аксиологическая оценка по признаку «хорошо-плохо» эмоциональной не является и из области рационального не выходит, будучи оценочным суждением.

Единицы, передающие в языке безразличие, могут выступать в двух основных прагматических функциях: 1) указывать на смещение оценочных акцентов в речевом отрезке - выступать в функции показателей

безразличия со смещенным основанием оценки; 2) передавать презрение как отрицание через объект оценки системы ценностей получателя речи, направленное на «поражение» личности собеседника.

Безразличие способно выступать оператором как логики аксиологических оценок, так и логики чувств, его показатели отправляют как к оценке модального выбора, так и к оценке выбора этического (моральным чувствам и качествам). Безразличие является оператором по крайней мере нескольких неклассических модальных логик, в которых оно выступает в качестве «нулевой» точки отсчета, той межи, которая разделяет области запретного и разрешенного (деонтическая логика), желательного и нежелательного (логика оптимативных оценок), хорошего и плохого (логика абсолютных аксиологических оценок), лучшего и худшего (логика сравнительных аксиологических оценок). Безразличием можно назвать и состояние эмоционального равновесия.

Безразличие является в каком-то смысле нулем в плане содержания: оно не обладает собственными положительными семантическими признаками, что позволяет считать его противочленом как собственно эмоциональной, так и дезидеративной оценок [Изард 1980: 47].

Практически все фразеологически связанные показатели безразличия, точно так же, как и свободные, способны характеризовать моральные свойства личности окказионально, в определенных коммуникативных и семантических ситуациях. Обязательным признаком таких ситуаций является «стереоскопичность» как присутствие «наблюдателя», выносящего моральную оценку поступкам субъекта безразличия.

Вне контекста соответствующей модальной парадигмы безразличие остается семантически не определенным. Свое определение оно находит только в противопоставлении другим членам семантической парадигмы, образуемой операторами конкретной модально-оценочной системы: «безразлично» - это либо «и не хорошо, и не плохо», либо «и желательно, и не нежелательно», либо «и не хуже, и не лучше» и т.д. Однако, несмотря на семантическую опустошенность значения модального оператора безразличия, в естественном языке он лексикализуется через довольно длинный ряд синонимов, как стилистически нейтральных, так и маркированных: «безразлично», «все равно», «бог с ним», «наплевать», «начхать» и т.д.

Синтаксически показатели безразличия разбиваются на две категории: свободные и идиоматизированные, к которым относятся все фразеологически связанные единицы и междометия, идиоматизированные показатели безразличия представлены единицами, функционально эквивалентными словосочетаниям-фразеологизмам [Рейковский 1979: 80]. В русском языке это могут быть такие фразеологизмы как «до фени», «до лампочки», «до фонаря», «один черт» и пр., и единицами, функционально эквивалентными высказыванию - афоризмами «хозяин – барин», «вольному воля», «где наша не пропадала», «семь бед - один ответ» и пр. В английском языке подобные фразеологизмы могут быть представлены такими примерами как: *a propos of nothing, according to one's light, as if nothing were wrong, as the next man, at one's own sweet will, betwixt and between.*

Как правило, единицы, передающие в языке значения «серой полосы», ориентируются на «плюс» или «минус» оценочной шкалы или их амбивалентность. Большинство единиц этого типа передают аксиологические значения, стремящиеся к «минусу» шкалы: *neither fish nor fowl; a dime a dozen; ordinary; average* и пр. На плюс чаще всего ориентировано употребление лексем: *rather pretty well; not bad; middling; well enough.* Фразеологизм *so-so* в определенных условиях может быть ориентирована и на «плюс», и на «минус». Употребление большинства показателей «серой полосы» может быть направлено и непосредственно на личность, и на предметы её сферы. Такие же единицы, как *he is no conjurer; Jack of both sides*, характеризуют непосредственно личность. Истинно аксиологически нейтральным является, очевидно, значение выражения *neither good nor bad / neither good nor badly.*

Наблюдения над употреблением показателей посредственности в речи показывают, что на шкале аксиологических оценок «серединная область», которую теоретически должны покрывать их значения, практически отсутствует: абсолютное большинство показателей «серединности» в языке значений собственно «серединной области» шкалы аксиологических оценок не передают и тяготеют преимущественно к её отрицательному полюсу. Даже амбивалентные единицы этой функционально-семантической группы в речи тяготеют к тому или иному полюсу оценочной шкалы, не попадая на её середину. Появление в речи наиболее частотных и ориентированных почти исключительно на функцию выражения показателей «серой полосы» «ничего (себе)» и «так (себе)» связано с оценочными экспектациями говорящего/субъекта оценки и с необходимостью для него использования риторических приемов литоты и эвфемизма [Виноградов 2007: 227].

Смысловый ряд предикатов презрения в русском языке открывают, составляя его доминантное ядро, глаголы «презирать» и «пренебрегать», отличающиеся от всех прочих членов этого ряда своей частотностью и относительной универсальностью семантического объекта, которым они могут управлять.

Если соотношение словарных значений безразличия и презрения, передаваемых показателями безразличия, носит характер омонимии, поскольку безразличие и презрение друг с другом непосредственно не связаны и относятся к разным семантическим категориям (безразличие является оператором нейтрально-оценочной модальности, презрение - отрицательной эмоцией), то в составе речевых реализаций этих показателей соотношение безразличия и презрения носит уже характер стереоскопического синкретизма: безразличие субъекта речи выступает для его речевого партнера или наблюдателя как презрение, при условии, конечно, что объектом этого безразличия/презрения является личность речевого партнера [Падучева 1975: 421].

Наблюдения над речевым использованием ФЕ с показателем безразличия для оценки моральных качеств личности показывают, что необходимым условием такой оценки является присутствие в тексте (эксплицитное или имплицитное) носителя нравственного сознания – «наблюдателя», отличного от субъекта безразличия (протагониста). В данном случае безразличие уже может выступать в качестве отрицательной моральной характеристики личности и интерпретироваться как презрение. Презрение может быть направлено на такие атрибуты личности, как поступки. В этом случае оно связано с этической оценкой в форме осуждения [Телия 1988: 30]. Показатели, передающие безразличие говорящего к выбору предикативной альтернативы и показатели, передающие значение «посредственности» активно участвуют в английском языке в речевой реализации психологических отношений: передают моральные чувства (презрение) и оценку моральных качеств личности (равнодушие, мужество и пр.): blind drunk, drunk as a skunk, give an empty stare, like a bargee, like a bur, like a child over a new toy, like a limpet, off the top of one's head.

Ядро синонимического ряда предикатов презрения английского языка образовано путем отрицания ценности de-preciate (< лат. depretio; de (down), pretium (price); значимости (des-dignare) disdain <лат. dis (отр.) и dignor (to deem worthy), из dignus (worthy) объекта либо путем принижения этой ценности (disesteem): take no heed (to), look down on, tower above, not to give a brass farthing (for), to hold of no account.

Неодобрительное, уничижительное, обладающее коннотацией, которая в некоторой степени отклоняется от эталона или нормы несёт свойство пейоративного. Пейоративность может выражаться через слова, сочетания, словосочетания и фразеологизмы. К настоящему времени количество пейоративов возрастает. Пейоративы - слова с отрицательной коннотацией, со значением пренебрежительности, неодобрительности, презрительности, уничижительности. Пейоративность пронизывает все слои человеческой жизни. Пейоративность является одним из признаков, создаваемой фразеологизмами картины мира. Источником пейоративности является сам человек со всеми его недостатками характера, внешности и порождаемой им социальной действительности [Аюпова 2004: 106]. В тех случаях, когда безразличие выступает как отрицательная моральная характеристика личности и интерпретируется как презрение, и презрение связано с этической оценкой в форме осуждения, фразеологизм приобретает пейоративную коннотацию.

Список использованной литературы

1. Аюпова, Р. А. Связь фразеологической антонимии с пейоративной и мелиоративной оценочностью / Р. А. Аюпова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. - С. 100-110.
2. Виноградов, В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. - М.: Университет, 2007. - 236 с.
3. Изард К. Эмоции человека. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
4. Кондаков И. И. Логический словарь-справочник. - М., 1975. - С. 421-423.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1900. - С. 354-355.
6. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. - М.: Прогресс, 1979.
7. Телия В. Н. Метафоризация и роль в сознании языковой картины мира // Роль человеческого фактора. Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988.

САТИРА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Менглинова Л. Б.

Томский государственный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Казаркиным А. П. и д.ф.н. Серебrenниковым Н. В.

Рассматривается структура и функции сатирического гротеска как основного стилизового приёма в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», выявляется соотношение гротеска с христианским апокалиптическим мифом. Анализ мифологической символики романа позволяет уточнить авторскую позицию писателя, понять его оценку исторических коллизий.

В своем итоговом романе Булгаков вновь обращается к гротеску как главному принципу художественно-общественного обобщения. Гротеск-испытание используется для анализа современных исторических коллизий.

Почти все писавшие о романе отмечали, что художественный мир «Мастера и Маргариты» вырастает в результате переосмысления разнообразных культурно-эстетических традиций. И это весьма правомерно. Как в первой повести «Дьяволиада», так и в последнем романе поиски автором наиболее эффективных принципов изображения действительности несли на себе печать разных эстетических ориентаций. Но в значительной мере эти принципы создавались на базе переосмысления романтической гротескной традиции. Реалистический гротеск «Мастера и Маргариты» как бы вырастает из романтической гротескной структуры. Булгаков трансформирует традиционные для романтического гротеска ситуации, фигуры и мотивировки, придавая им иные, реалистические функции. При этом модификация романтического гротеска сопряжена у Булгакова с пародированием, ибо всякий становящийся художественный принцип, вступая в диалогический контакт с незавершенной современностью, утверждается через пародирование старого принципа [Тынянов 1977: 198-226; Бахтин 1975: 234-407].